

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О
«Н А У К А»

*Главная редакция
восточной
литературы*

М о с к в а
1 9 6 5

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ ЭПОС

РАМАЯНА

Литературное изложение В. Г. Эрмана и Э. Н. Темкина

«РАМАЯНА» — ПЕРВАЯ ПОЭМА ИНДИИ

Героический эпос древней Индии представлен двумя грандиозными литературными памятниками — «Махабхаратой» и «Рамаяной». Созданные в глубокой древности, они до наших дней сохраняют огромное влияние на духовную жизнь индийского народа. В истории мировой культуры обе поэмы стоят в одном ряду с наиболее замечательными памятниками народного эпического творчества.

Первая из древнеиндийских эпopeй — «Махабхарата» — в том виде, в котором она дошла до нас, в сущности весьма отличается от того, что мы называем поэмой. Это обширный свод произведений разнообразного характера и содержания — художественных, философских, религиозных и научных, — созданных многими авторами на протяжении многих столетий. Героическая поэма, составившая ядро этого литературного цикла (созданная предположительно около V в. до н. э.), погребена под массой разнородного материала относительно позднего происхождения.

«Рамаяна» больше отвечает нашему представлению об эпической поэме. В отличие от «Махабхараты» в ней развитие главного действия редко прерывается отступлениями и вставными самостоятельными эпизодами и прослеживается достаточно отчетливо. Сюжет, образы, композиция этого произведения явственно несут на себе печать единства авторского замысла и исполнения. И если святой мудрец Вьяса, которого

Художник
Г. В. Димитрев

индийская традиция называет автором гигантского свода «Махабхараты», остается для нас фигурой мифической, то у нас нет оснований отвергать свидетельство той же традиции, когда она приписывает авторство «Рамаяны» одному человеку — Вальмики, хотя о жизни этого легендарного поэта мы не знаем ничего достоверного.

«Рамаяна» по объему значительно уступает «Махабхарате». Тем не менее и ее размеры огромны. В том виде, в котором она известна нам, «Рамаяна» состоит из семи книг, заключающих в себе двадцать четыре тысячи двестиший. Правда, и в «Рамаяне», хотя и в значительно меньшей степени, чем в «Махабхарате», есть некоторые поздние добавления — далеко не все в ней принадлежит ее автору.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» создана была на санскрите — древнейнейдийском литературном языке, основном языке древнейнейдийской культуры. Как и все произведения санскритской поэзии, она сложена белым стихом, рассчитанным на музыкальное исполнение, — подобно русским былинам, эпические поэмы древней Индии исполнялись сказителями нараспев.

В самой «Рамаяне» мы находим любопытную легенду о происхождении стиха.

Некогда мудрец Вальмики, повествует легенда, шел берегом реки по лесной тропе. Он увидел двух маленьких птиц — куликов, нежно перекликающихся в траве. Внезапно явился злой охотник и пронзил одного из куликов стрелой. Жалобно закричала осиротевшая птичка, а Вальмики, охваченный состраданием и гневом, проклял охотника. И слова, исторгнутые из груди его скорбью и гневом, сами собою сложились в стихотворную строфу. Этим размером, получившим название «шлока», бог Браhma повелел Вальмики впоследствии воспеть подвиги Рамы.

Представляет интерес рациональное зерно этого мифа, объясняющее происхождение стихотворной, ритмически организованной речи из речи эмоциональной, взволнованной. Легенда эта встречается только в «Рамаяне», но она в ней — позднее добавление. Наивные «редакторы» поэмы Вальмики, вносившие в нее подобные дополнения через века после ее создания, не видели противоречия в том, что ввели в «Рамаяну» ее автора в качестве одного из действующих лиц.

Рассказ об изобретении шлока помещен в первой книге поэмы. Книга эта носит название «Детство», но о детстве героя в ней почти ничего не говорится; в то же время она изобилует вставными эпизодами, имеющими весьма отдаленное отношение к содержанию сказания о Раме. В этом с нею сходна седьмая, последняя книга «Рамаяны»; обе они по характеру своему сближаются с хаотическим циклом «Махабхараты». Не требуется глубокого исследования для того, чтобы почувствовать чужеродность этого материала и определить, что первая и седьмая книги в целом являются, очевидно, поздними приращениями к поэме Вальмики.

Огромная популярность поэмы о Раме в народе побудила индийское жречество обратиться к этому произведению, чтобы использовать его в своих сословных интересах. Следы брахманского «редактирования», к счастью, не слишком ощущимы в основных частях «Рамаяны» (со второй по шестую книги), но в первой и последней книгах чужая, жреческая рука явственно дает о себе знать. Это сказывается прежде всего на образе главного героя, который объявляется здесь земным воплощением бога Вишну, сказывается в усиленной проповеди в этих книгах религиозных идей, в настойчивом подчеркивании мысли о всемогуществе и всеведении жрецов.

Таким образом, единство содержания «Рамаяны», о котором мы говорили, сравнивая ее с «Махабхаратой», в известной

мере относительно. Резкое противоречие первой и седьмой книг духу древнего эпоса бросается в глаза. Однако и в основных частях поэмы встречаются некоторые, правда, не столь значительные противоречия, обвязанные своим происхождением уже не жреческому вмешательству, но другим причинам.

Эти противоречия связаны с частыми повторениями и вариациями отдельных моментов и эпизодов повествования — черта, характерная для «Рамаяны», как и для «Махабхараты». Проистекают они от многовековой традиции устного исполнения обеих эпических поэм странствующими певцами-рапсодами; рассматривая популярную поэму как свое достояние, они внесли в нее некоторые изменения и добавления.

В течение столетий «Рамаяна» сохранялась в устной передаче поколениями сказителей, пока не была записана. Мы не знаем, когда именно это впервые произошло, но и после того устная традиция не прерывалась; продолжается она и до нашего времени. Именно благодаря ей, а не из книг знают «Рамаяну» миллионы простых индийцев, ею поддерживается неизменная любовь индийского народа к своей великой поэме.

В средние века возникли версии поэмы о Раме на новоиндийских языках, из которых наиболее значительной является «Рамачаритаманаса» («Море подвигов Рамы»), созданная в XVI в. на хинди знаменитым Тулси Дасом.

Доныне чрезвычайно распространены в Индии народные представления, инсценирующие эпизоды из «Рамаяны». Достаточно упомянуть популярнейшее народное празднество Северной Индии — Рамлилу, — на котором при огромном стечении зрителей разыгрываются сцены из любимого эпоса. В этих новых формах продолжает жить и волновать сердца простых людей Индии древняя поэма Вальмики.

В чем же секрет неувядющей славы и обаяния этого произведения?

Что оно собой представляет?

На заре своей истории народ создает предания, в которых запечатлевает в художественных образах эпоху своего становления, выражает в них становление своего духа, свои мечты и идеалы, свои представления о непреходящих человеческих ценностях. Эти древние предания навсегда остаются дороги ему, как дороги человеку воспоминания детства.

В «Рамайне» Вальмики, собравшего и воплотившего эти сказания в едином поэтическом цикле, ярко и сильно выразился народный идеал. В этом — бессмертие поэмы. Созданная творчеством народа, она осталась навсегда его достоянием. Но первостепенное значение имел здесь элемент индивидуального творчества — гений великого поэта, воссоздавшего народное сказание в совершенной художественной форме. Поэтому до сего дня трогает и волнует оно души людей и в самой Индии, и за ее пределами. Поздние наслаждения, о которых мы говорили выше, не заслонили замечательного творения Вальмики, и мы можем в достаточной мере оценить высокое поэтическое мастерство создателя «Рамаяны».

О том, когда жил Вальмики, когда и где он сочинил свою поэму, у нас нет достоверных и точных сведений. «Рамаяна» создана была, вероятно, позднее, чем героическая песнь о битве на поле Куру, составившая основу «Махабхараты». Во всяком случае в «Рамайне» культура значительно более развита — суровой, почти первобытной простоте героев «Махабхараты» противостоит здесь более утонченная и развитая этика сложившегося классового общества.

Это различие между обеими эпopeями объясняется не только тем, что они отдалены одна от другой во времени. Эпос «Махабхарата» складывался в Западной Индии, в области так называемой Арьяварты — колыбели древнеиндийской цивилизации (страна к востоку от Пятиречья). «Рамаяна» же

создана была на Востоке, куда переместился центр политического и культурного влияния в середине I тысячелетия до н. э. Здесь, в среднем течении Ганга, на территории современного Аудха и Бихара, возникли крупные рабовладельческие государства и расцвела новая цивилизация, затмившая своим блеском древнюю культуру индийского Запада. Становление этой цивилизации и ознаменовалось созданием «Рамаяны», — как полагают, около IV в. до н. э.

Автор «Рамаяны» был сыном своего времени, и оно, несомненно, отразилось в его поэме. И не только в отголосках исторических событий, в деталях описаний быта, в картинах городской и сельской жизни (здесь не всегда просто отделить первоначальный текст от более поздних наслоений), но и во взаимоотношениях между людьми, в нравственных нормах и идеалах, в мировоззрении поэта. Однако содержание поэмы Вальмики сложнее, глубже и значительнее и не ограничивается рамками одной исторической эпохи.

В основе «Рамаяны» лежит древнее цлеменное сказание: из него, как из зерна, вырос великий национальный эпос, и герой его стал общеиндийским народным героем. Сказание о подвигах Рамы сочеталось с преломившимися в народной фантазии историческими преданиями о завоевании юга Индии, а в основу сюжета лег популярный для эпоса многих народов мотив похищения.

В тот ранний предысторический период, когда по выходе из первобытного состояния человек освобождается из-под власти слепых сил природы, возникают мифы о героях, побеждающих чудовищ, всякого рода гидр и драконов, в которых олицетворяются эти враждебные человеку силы. Таковы образы Геракла, Персея, Тезея у древних греков, Сигурда или Зигфрида у германцев, Ильи Муромца и других богатырей русских былин, Гессера монголов, Гайаваты североамерикан-

ских индейцев и т. д. К ним принадлежит и Рама, герой древнеиндийского эпоса.

Героические образы мифологии переходят и в последующую историческую эпоху, наполняясь новым содержанием. В течение веков продолжают жить в древнем эпическом творчестве образы могучих витязей, победителей злых сил, защитников народа от чудовищ и притеснителей. В сказаниях об их подвигах народ воплощает свое представление о герое, свои мечты о справедливом общественном устройстве. Именно это и определяет величие и значительность центрального образа «Рамаяны», рожденного народным творчеством. Но в поэме Вальмики индивидуальное творчество поэта сообщает фольклорному герою новые черты, а эпоха, в которую жил поэт, накладывает на образ этого героя определенный отпечаток.

Герой народного предания приобретает в поэме типические черты представителя воинской аристократии раннего рабовладельческого государства. В образе его находят выражение нравственные нормы и идеалы той эпохи; Рама — воплощение призванных ею добродетелей. Влияние господствующей в рабовладельческом обществе идеологии сказывается, в частности, в том, что защита угнетенных сводится у Рамы преимущественно к охране жреческих алтарей от нечестивых бесов-ракшасов. Послушный сын, любящий брат, отважный витязь, верный законам воинской чести, благочестивый покровитель веры, мудрый и справедливый государь — таков главный герой «Рамаяны». Как носитель всех мыслимых достоинств, Рама мог бы превратиться в ходульную дидактическую фигуру. Но этого не случилось — поэт сумел наделить его живым человеческим характером.

Человечность героического образа Рамы составляет главную его ценность в поэме Вальмики. И особенно ярко и убедительно это проявляется в отношениях Рамы с Ситой.

До момента разлуки любовь Рамы обнаруживается весьмадержанно — в отказе его взять Ситу с собой в изгнание, в стремлении уберечь ее от лишений, неизбежных при скитании в лесах. Но когда Равана похищает Ситу, чувство Рамы раскрывается с предельной выразительностью. Могучий и бесстрашный воитель проявляет человеческую слабость, приходит в отчаяние, теряется перед обрушившимся на него несчастьем. Он не может жить без Ситы. Сила его чувства, острота его страдания переданы поэтом с проникновенной правдивостью, и в этих сценах герой становится особенно близок читателю.

Резкий контраст с этим мастерски очерченным образом Рамы представляет образ другого Рамы — того, который выступает как иллюстрация Вишну. В чужеродности этих интерполяций невозможно усомниться. Нигде в древних частях поэмы, обычно легко отличимых по языку и стилю, нет и намека на божественное происхождение Рамы. В тех эпизодах, где Рама предстает перед нами как бездушное воплощение религиозной идеи, как недоступный человеческим чувствам носитель брахманской морали — такова сцена его повторного отречения от Ситы в седьмой книге, — образ его утрачивает художественную убедительность. К счастью, эти эпизоды занимают в «Рамаяне» относительно немного места — почти исключительно в первой и последней книгах — и не заслоняют живого человеческого образа, созданного Вальмики.

С наибольшей же полнотой жизнеутверждающее человеческое начало, составляющее пафос «Рамаяны» Вальмики, проявилось в прекрасном образе Ситы — образе, принадлежащем к числу ярчайших созданий индийской поэзии.

Сита — образ художественно наиболее цельный. Нравственной силой и душевным благородством она превосходит остальных героев, не исключая и Рамы. В этом образе особенно полно выразилось народное представление о человеческой красоте.

Образ Ситы восходит к мифологической фигуре древнего земледельческого божества («Сита» означает «борозда»), и отголоски этого мы находим в первой и седьмой книгах, где она выступает как дочь Земли. Тем не менее в образе ее нет ничего «божественного». Сита предстает в поэме как земная женщина с земными, человеческими чувствами и чертами характера.

Сита изображается в поэме как идеал индийской женщины — жены (подобно тому как Рама — идеал воина и государя). В ней мы также находим черты, обусловленные эпохой. Сита — послушная дочь, преданная, добродетельная супруга. Она выходит замуж за Раму, еще не зная его, повинуясь древнему обычью. Но величие образа Ситы раскрывается позднее — во всезабвенной самоотверженной любви ее к Раме, которую она пропросит через все испытания.

Полюбив Раму за его человеческие качества, за его отвагу, мужественность и доброту, Сита следует за ним в изгнание и не оставляет его во всех невзгодах не ради исполнения предписанного ей обычаем долга, но по велению сердца. И в проявлениях своей любви она удивительно лирична и убедительна. Замечателен по своей психологической правдивости эпизод охоты на золотого оленя в третьей книге, когда Сита заставляет Лакшману оставить ее и поспешить на помощь Раме; в этот момент ярко и живо проявляется в ней любящая женщина, в которой страх за любимого затмевает рассудок.

Великолепны своей психологической убедительностью и сцены с Раваной, в которых душевное благородство и мужество Ситы раскрываются необычайно сильно. Один из напряженнейших моментов — тот, когда Сита говорит Раване, что он властен над нею, но не над ее жизнью. И наконец, апогеем в раскрытии ее образа является сцена отречения Рамы и входления Ситы в огонь — в шестой книге «Рамаяны».

Образ Ситы сохраняет свою цельность даже в седьмой,

поздней книге. Следует сказать, что, если повесть об изгнании Ситы в этой книге и является поздним добавлением, сущность характера героини схвачена безвестным автором удивительно верно и передана в совершенном соответствии с образом, созданным Вальмики.

В «Рамаяне» мы находим поэтический гимн во славу чистой и самоотверженной любви, единственный в своем роде в древней литературе. Античная поэзия при всех своих великих достоинствах не знает в этом отношении ничего подобного тому, что с таким художественным совершенством и силой воплощает индийский эпос.

Народное эпическое творчество прославляет вместе с любовью и дружбу как одно из высших проявлений духовной красоты человека. Носителями идеала человеческих отношений являются в «Рамаяне» Лакшмана и Хануман. Самоотверженность и бескорыстие в дружбе возвышают эти образы; они нарисованы поэтом с тем же мастерством и выразительностью, что и образы Рамы и Ситы.

Необычайно трогательна братская привязанность и преверданность Лакшманы Раме. Он живет жизнью своего старшего брата и друга, воспринимает печали и радости его как свои собственные. Всякая обида, нанесенная Раме, вызывает неподдержимый взрыв гнева Лакшманы; с юношеской порывистостью и непосредственностью он откликается на всякое его горе и, не задумываясь, готов отдать жизнь за освобождение Ситы, дорогой его брату.

Доныне одним из любимейших героев народных индийских сказаний является Хануман, верный друг и союзник Рамы, без чьей мудрости, ловкости и отваги герой не отыскал бы и не освободил из плена свою похищенную подругу.

Силам добра, воплощенным в образах Рамы и Ситы и их друзей — Лакшманы, Ханумана, Сугривы, Бхараты и др., —

противостоит в поэме злое начало, олицетворенное в образе Раваны, десятиглавого повелителя людоедов-ракшасов, царя мифического острова Ланки, главного антагониста Рамы. В изображении его особенно ясно проявляется характернейшая черта эпоса — своеобразное сочетание элементов реального и фантастического. Образ Раваны имеет мифологическое происхождение, как и большинство других образов поэмы, но в нем элементы мифа наименее сохранились. В большинстве сцен Равана выступает как человек, прекрасный обликом витязь, пленяющий сердца женщин; временами же он превращается в многорукого великанана с десятью головами, выступает как оборотень, принимающий любую личину. Здесь мы часто сталкиваемся с противоречиями, характерными для сказочного эпоса. Так, в одном месте Равана изображается десятиглавым (в третьей книге) и эпитет «десятиглавый» постоянно прилагается к нему, в сцене же последнего поединка с Рамой (в шестой книге) у него одна голова, которая всякий раз, когда Рама отсекает ее стрелами, вырастает снова, — мотив, известный мифологии и фольклору многих народов.

Но и в Раване преобладает человеческое начало, и образ его столь же правдив жизненно, как и образы положительных героев. Характер его обрисован с замечательным искусством — самовлюбленный и взбалмошный деспот, коварный обольститель, раб своих страстей, готовый на любое злодейство и подлость, он противостоит Раме во всем — и как человек, и как правитель государства. В то же время он наделен и определенными достоинствами, которым автор воздает должное, — отвагой, умом, обаянием, завоевающим ему сердца его жен; а его отцовская привязанность к Индраджиту, неподдельная искренность его неистового горя после гибели сына вызывают невольное сочувствие читателя.

Враг богов и людей, Равана оскорбляет святыни, дерзко

бросает вызов всему миру; и в этой дерзости его бунта, в его гордом богохвальстве заключено известное обаяние. В поздних книгах могущество Раваны объясняется даром, полученным им от Брахмы за великое подвижничество. Парadoxальное противоречие, содержащееся в этой легенде, бросается в глаза — святость и нечестие сочетаются в одном образе, и одно проистекает из другого. Более того, в браhmaической интерпретации сюжета «Рамаяны» Равана похищает Ситу ради того только, чтобы умереть от руки Вишну, т. е. Рамы, и тем обрести бессмертие в ином мире. Нелепость этих толкований еще более оттеняет человеческий характер Раваны у Вальмики; в древнем сказании антагонист героя, очевидно, добивается власти и могущества благодаря природной силе и отваге.

В образах братьев и сыновей Раваны, его сестры Шурпанаакхи, в ракшасах, обитателях острова Ланки, царства Раваны, мы видим то же смешение реального и фантастического, что и в образе их повелителя. Ракшасы, появляющиеся в поэме как бесы и оборотни, в эпизодах пятой и шестой книг выступают чаще всего как люди, приобретая черты какого-то реального народа, народа, стоящего на высокой ступени культурного развития, о чем свидетельствует описание столицы ракшасов, укрепленного города Ланки. Исследователями «Рамаяны» уже давно высказывалась мысль, что в ракшасах Ланки и обезьянах, населяющих сказочное царство Кишкандха, следует видеть реально существовавшие аборигенные народности и племена Южной Индии, борьба которых между собою и с ариями, продвигавшимися с севера, составляет историческое основание изображенных в эпосе событий.

Художественная ткань поэмы Вальмики, сочетающей элементы сказочные и реальные, мифологические образы и мотивы, исторические реминисценции, материал, заимствованный из фольклора, и элементы индивидуального поэтического

творчества, естественно, отличается большой сложностью и разнообразием. Даже если не говорить о чужеродных обрамляющих книгах, каждая из оригинальных книг «Рамаяны» при определенном стилистическом единстве поэмы имеет свои особенности, обусловленные характером ее содержания. Так, во второй книге преобладает реалистический элемент в изображении событий и характеров. Сказочные мотивы здесь почти полностью отсутствуют. Двор царя Дашаратхи, интрига, которая привела к изгнанию Рамы, — все это изображено очень живо, с большой достоверностью; здесь написано особенно отчетливое отражение некоторые характерные черты эпохи. Отметим, в частности, любопытный эпизод в начале книги: Дашаратха собирает совет из своих приближенных и представителей городского населения, для того чтобы объявить об избрании Рамы на царство и испросить у собравшихся одобрения своему решению. В эпоху Вальмики царская власть, очевидно, давно уже была наследственной. Но здесь мы видим пережиток тех отдаленных времен, когда царь был еще всего лишь военным вождем племени и избирался племенным советом.

В третьей книге преобладает элемент лирический, изображение любви, поэтическое описание природы; в нее вторгаются и сказочные мотивы. Сказочный по преимуществу характер носит четвертая книга. В пятой книге сочетаются элементы волшебной сказки с яркими картинами природы и города Ланки и психологически достоверными сценами в апоковом лесу, раскрывающими характеры Ситы, Раваны и Ханумана.

Наконец, шестая книга — описание битвы, но битвы сказочной, фантастической, описание, весьма далекое по характеру от героических сцен эпоса «Махабхараты», где картины сражения, несмотря на все гиперболы, которыми они изобилиуют, представляются более близкими жизненной правде.

В последних книгах «Рамаяны» наиболее ярко проявилась

характерная для древнеиндийской литературы необузданная игра воображения, богатство фантазии, особенно в изображении ужасного, чудовищного. И эти порожденные необузданной фантазией гротескные образы и картины резко оттеняют лиризм и глубокую человечность основного содержания «Рамаяны».

Высокое совершенство художественной формы, богатство выразительных средств поэмы, неизвестное литературе предшествующих веков, обусловили огромное влияние «Рамаяны» на развитие индийской поэзии. Индийская традиция называет Вальмики «адикави», т. е. «первым поэтом», а «Рамаяну» — «адикавья», т. е. «первой поэмой». Действительно, поэма Вальмики открывает новую эпоху в истории индийской литературы. Все крупные поэты классического периода — Ашвагхосха, Каlidаса и др. — испытывали на себе ее влияние.

Богатство языка и стиля, сравнений, метафор и других поэтических фигур, разнообразие и изобретательность в выборе изобразительных художественных приемов, картины природы, всегда тонко оттеняющие настроение и служащие поэтическому раскрытию образов действующих лиц, и особенно проникновенное, психологически достоверное изображение человеческих характеров в «Рамаяне» еще далеко не оценены в полной мере в исследовательской литературе. Многие авторы выражали свое восхищение поэтическим гением Вальмики, но до сих пор остается в тени важнейшая черта его творчества — реализм в изображении человека, не затмеваемый сказочными и фантастическими мотивами эпоса. Еще многое предстоит сделать в области конкретного исследования художественного своеобразия произведения, к которому долгое время подходили почти исключительно как к историческому памятнику.

«Рамаяна» — один из замечательнейших памятников мировой литературы — до сих пор остается почти неизвестной советскому читателю. Если вспомнить об огромных размерах

поэмы, не приходится удивляться, что доныне нет ни одного полного художественного перевода «Рамаяны» ни на один из европейских языков. Нет на русском языке и научного прозаического перевода поэмы.

Предлагаемое литературное изложение «Рамаяны» имеет целью ознакомить читателей с образами и содержанием великого памятника индийской эпической поэзии и дать представление о нем как о художественном произведении в целом.

Стремясь сохранить основное содержание поэмы, созданной Вальмики, мы сочли целесообразным опустить в кратком изложении прежде всего позднейшие наслаждения, внесенные в текст жреческим редактированием и многовековой традицией устного исполнения поэмы. Естественно было исключить при этом встречающиеся в тексте «Рамаяны» многочисленные повторения и вставные эпизоды, не имеющие прямого отношения к сказанию о Раме.

Хотя позднее происхождение первой и седьмой книг считается бесспорным, мы не сочли, однако, возможным нарушить принятое в Индии в течение многих веков традиционное деление «Рамаяны» на семь книг и опустить начальную и последнюю части полностью в нашем изложении. Мы сохранили в этих книгах только то, что наиболее легко вписывается в поэму Вальмики, отвечая ее духу и характеру, отвергнув искажающую центральный образ поэмы брахманскую легенду о земном воплощении Вишну.

Как и в предыдущей нашей работе — изложении «Махабхараты», мы стремились по возможности передать поэтику и стилистические особенности оригинала, донести до читателя хотя бы в отдельных чертах художественное своеобразие замечательного творения великого древнеиндийского поэта.

В. Эрман, Э. Темкин

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Книга первая. Детство	21
Книга вторая. Айодхья	51
Книга третья. Лесная	115
Книга четвертая. Кишкундха	187
Книга пятая. Прекрасная	241
Книга шестая. Битва	277
Книга седьмая. Последняя	411
Краткий словарь	438

*Владимир Гансович Эрман
и Эдуард Наумович Темкин*

РАМАЯНА
Древнеиндийский эпос

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*Редактор Н. Н. Тихонравова
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Э. Ш. Язловская
Корректор Е. А. Мамиконян*

Сдано в набор 25/II 1965 г. Подписано к печати 28/V 1965 г. Формат
70×108^{1/32}. Печ. л. 14,0. Усл. печ. л. 19,18. Уч.-изд. л. 18,06. Тираж 20 000 экз.
Изд. № 1427. Зак. № 103. Темпплан 1964 г. № 133. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.